

ЛИЦОМ К ПРИРОДЕ

Красота не для всех, или кедровая столица без кедров?

Россия — это, без преувеличения, страна кедра: при её общей площади 17 млн кв. км общий ареал трех российских видов — кедра сибирского, кедр корейского и кедрового стланика — составляет примерно 10 млн кв. км. Это примерно 95 % от мирового ареала.

Томск — кедровая столица России: по площади кедровых лесов на единицу площади региона Томская область занимает первое место в России. Казалось бы, мы должны быть лидерами в вопросах организации и ведения кедрового хозяйства. Однако этого не происходит. Почему?

Сергей Николаевич Горшкович, зав. лабораторией дендрозоологии ИМКЭС СО РАН видит причины этого в том, что вся существующая лесохозяйственная система игнорирует естественные закономерности развития кедровых лесов и тем самым целенаправленно разрушает природные экосистемы.

— Сегодня во всем мире сделана ставка на полустественные, частично ухоженные и условно регулируемые леса. В результате лес теряет способность к саморегуляции и самовоспроизводству, не приобретает при этом черты плантации или парка. Он превращается в нечто среднее между загаженной природой и запущенным огородом.

Простой пример. Традиционно считается, что пожар есть величайшее зло для лесных массивов, что лес нуждается в защите от этого бедствия. Но... как это ни парадоксально, 99 % продуктивных западно-сибирских кедровников — это именно первое послепожарное поколение. Значит, если мы в течение 200 лет будем эффективно защищать лес от пожаров, то на территории Западной Сибири не останется ни одного продуктивного кедровника.

Другой пример — это рубка леса. Если переиначить фразу из известного мультфильма «Вовка в тридцатом царстве», то получится: рубить нельзя беречь. Где поставить запятую? На первый взгляд она так и просится после слова «нельзя», но и здесь все не так просто.

— Кедр под кедром не возобновляется. Если кедровник не срубить вовремя, когда он уже оставил

обильное и полноценное потомство, то на его месте образуется заболоченный низкопродуктивный лес, доля кедров в котором невелика. Если же его срубить, то на вырубке поселится берёза, а под ней — новое поколение кедров: обильное и во всех отношениях полноценное. Такие насаждения называются потенциальными кедровниками. Берёза — «нянька кедров» — погибнет лет через пятьдесят, «подсушит» почву и обогатит её гумусом. Кедр к этому времени наберёт силу, пройдёт полный цикл естественного отбора, сформирует продуктивное и устойчивое, полноценное во всех отношениях насаждение.

Если в течение долгого времени не будет происходить рубки леса, лесных пожаров, то через 200—300 лет Западная Сибирь превратится в одно сплошное болото. Зачем нам это надо? Рубить лес нельзя выборочно. Выборочная рубка всегда сопряжена с отрицательной селекцией: хорошие деревья рубят, плохие оставляют. Рубить лес надо исключительно сплошь, разумеется, не большими квадратами, а узкими лентами, — продолжает свой рассказ Сергей Николаевич.

Другой полемичный вопрос: насколько оправдано комплексное использование кедровника, когда его пытаются обобрать до последней нитки — до единого ореха? Как правило, по завершении заготовительного сезона на новостных лентах появляются пронизанные гордостью сообщения о том, сколько тонн ореха удалось нынче заготовить.

— Кедровый промысел, когда человек с дубиной приходит в естественное насаждение, нещадно колотит несчастные деревья, а орех уносит из природы для того, чтобы съесть — это пережиток каменного века, когда основными занятиями людей были охота и собирательство. Заготовка ореха губительна для кедровой формации. В естественном лесу нет и не может быть

никакого «ореха», а есть лишь семяна как средство воспроизводства вида. Расточительность не свойственна природе. Каждый вид производит ровно столько семян, сколько необходимо ему для выживания. Иными словами, у него нет ни одного лишнего семени, которое можно было бы изъять без ущерба. Промышленная заготовка семян ведёт к тому, что естественный отбор недополучает материал, следовательно, потомство оказывается менее конкурентоспособным в борьбе за существование. Изъятие кедровых семян из природы — вопиющее безобразие: это всё равно, что собирать яйца в период гнездования птиц и потрошить рыбу в период нереста. А ведь кедр — это не просто какой-то «рядовой» вид. Это основной лесообразователь. Да и семена его — не только средство возобновления, но и «базовый» кормовой ресурс для всей лесной фауны, — считает Сергей Николаевич.

Ещё одна лесная якобы аксиома: за лесом надо ухаживать. Вот березняк с подростом кедров. Мы вырубам берёзу, освобождаем кедр. Он бурно растёт и развивается, формирует очень привлекательный на вид и продуктивный кедровник типа припоселкового. Это традиционно считается положительным примером воздействия человека на природу. Однако устойчивость многих деревьев в таких кедровниках существенно понижена. Таёжные кедровники живут по 300—350 лет, припоселковые начинают распадаться уже в возрасте 150 лет. Почему? В естественном кедровнике до плодоношения доживают только лучшие деревья, в припоселковом — почти все. Поэтому в последнем случае любой неблагоприятный фактор, например, слабая засуха, вызывает необратимые последствия. Человек ухаживал за кедром и тем самым помог выжить «дефективным» генотипам. В уходе нуждаются только слабые и больные биологические объекты, в сущности «инвалиды». Соответственно, уход, примененный к полноценным, здоровым популяциям, нарушая естественный ход конкуренции и отбора, приносит популяции огромный вред. Если такой уход проводить систематически, из поколения в поколение, то со временем окажется, что лес состоит из одних «инвалидов», которые уже не могут жить без постоянного ухода и даже при этом балансируют на грани жизни и смерти.

Искусственное лесовосстановление. В лесной зоне, где мы живем, оно обычно ни к чему: лес тут отлично возобновляется сам. Тем не менее, как только у лесного хозяйства появляются деньги, оно направляет их на интенсивные технологии выращивания посадочного материала: строятся гигантские теплицы, чтобы этот посадочный материал рос быстрее и выглядел красиво. Это было бы смешно, если бы не было грустно. Набор сибирских генотипов попадает в климатические условия влажного тропического леса. В этих условиях он проходит первый, самый важный этап естественного отбора. Ясно, что выживают при этом совсем не те сеянцы, которые нужны естественному сибирскому лесу. Если мы хотим, чтобы от лесных культур была хоть какая-то польза, то в каждом участковом лесничестве, занимающемся посадкой кедров, должен быть свой микропитомник, где в условиях, приближенных к есте-

ственным, выращивался бы местный посадочный материал.

А генетическое улучшение лесов? Его идея проста: абсолютное большинство естественных насаждений признаются плохими, непродуктивными, некачественными, нуждающимися в целенаправленном изменении генотипического состава. Это театр абсурда. Если все местные естественные насаждения ценных древесных пород заменить селекционными, то говорить об устойчивости лесов уже не придется. Они будут не более устойчивы, чем сельскохозяйственные культуры и, соответственно, смогут существовать только в условиях беспрерывной «прополки», подкормки, укрытия от погодных катаклизмов и других мер ухода.

Очевидно, что природные лесные экосистемы надо оставить в покое. Из них можно по-умному изымать стволовую древесину. Иначе она сгорит или сгниёт, обогатив атмосферу совершенно ненужными ей парниковыми газами. Восстановятся же они сами, тем лучше, чем меньше мы будем им помогать. Попытки ухаживать за естественными насаждениями и проводить их генетическое улучшение бессмысленны в своей основе, а их практическое воплощение есть диверсия против природы как среды обитания человека.

Это вовсе не означает, что все исследователи-лесоводы и селекционеры работали зря. Напротив, именно результаты их исследований призваны снять противоречие между необходимостью сохранения природы и растущими потребностями человечества в лесных продуктах. Нужно только перейти от первобытного собирательства к цивилизованному земледелию, т.е. изъять из природы некоторую часть земель и организовать на них интенсивное выращивание полезных растений. В сельском хозяйстве это сделано уже давно, более десяти тысяч лет назад. Остается только применить этот же принцип к лесному хозяйству: провести предельно чёткую границу между природными экосистемами и плантационным хозяйством. Плантационное хозяйство на «выведенных из природы» землях предполагает максимальную интенсификацию как залог высокой эффективности. Вот в этом-то хозяйстве человеку и следует показать, на что он способен в деле преобразования природы.

Что же выращивать на плантациях? Исключительно сортовой материальной. Приведу простой пример. В наших лесах широко распространена земляника. Однако нет никакого смысла брать её из природы и выращивать в огороде: продуктивность дикого вида слишком низкая. Для культивирования используют высокопродуктивные сорта — результат длительной и интенсивной селекции. Для выведения сорта даже у однолетних сельскохозяйственных растений требуется не меньше лет. Селекционная работа с деревьями — значительно сложнее. Однако «глаза боятся — руки делают», как говорит наш мудрый народ. Правильно говорит на научном стационаре «Кедр» ИМКЭС СО РАН собрана богатейшая генетическая коллекция — все виды кедровых сосен, десятки климатических и почвенных экотипов, сотни клонов. Все эти опытные объекты обеспечены уходом и режимными наблюдениями. Селекция кедров у нас ведётся давно и уже принесла

первые плоды по трём основным направлениям: быстрорастущие сорта для плантационных культур, высокоурожайные сорта для промышленных орехоплодных плантаций, декоративные сорта для ландшафтного дизайна.

Если говорить о первом направлении, то в нашем распоряжении есть клоны, у которых годовой прирост в высоту составляет 60—70 см при идеальном качестве ствола. Наличие таких клонов опровергает распространённое мнение о том, что кедр растёт медленно и не перспективен для плантационной культуры.

По второму направлению результаты ещё лучше. Некоторые клоны обладают просто удивительной урожайностью. Уже в возрасте 5—10 лет в их кроне трудно найти веточку, на которой бы не было шишек. Есть клоны, которые кроме обильного плодоношения имеют ещё и замедленный рост. Все это — отличная основа для введения кедров в культуру как орехоплодной породы. Сейчас, когда многие безхозные поля зарастают берёзой и осиной, плантационное кедровое хозяйство на этих землях могло бы стать отличной альтернативой хозяйству сельскому.

Увы, ни первое, ни второе направление не востребованы обществом. Ни у государства, ни у частного капитала нет ни малейшего желания вкладывать средства в эти проекты. Ведь отдача от них будет не раньше, чем через несколько десятилетий. У нас, к сожалению, нет людей, способных смотреть так далеко вперёд.

Третье направление — селекция декоративных сортов — самое востребованное. И нельзя считать его менее значимым. Ведь кедр — это не только кубометры древесины или тонны ореха. «Красота спасёт мир», сказал в свое время Ф.М. Достоевский устами одного из самых любимых своих героев — князя Л.Н. Мышкина. Вот и у наших людей постепенно появляется желание украсить свою жизнь. Это замечательно, — завершает нашу беседу Сергей Горшкович. — У нас есть совершенно новые, очень красивые, абсолютно устойчивые клоны. Они широко распространены в усадьбах состоятельных людей, хозяев жизни. Я много раз предлагал томским чиновникам различного уровня украсить наш город этим достижением томской науки, придал ему тем самым «необщее» выражение лица. Однако воз и ныне там: в доступных для простого народа общественных местах у нас по-прежнему растут лишь невразумительные дешёвые кусты. Ау, меценаты и патриоты!

Ольга Булгакова, г. Томск

